

УДК 930.2

Борис Михайлович Лепешко*д-р. ист. наук, проф., проф. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Boris Lepeshko***Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Economics
of the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Анализируются некоторые методы исторического исследования с целью выявления механизма их применения в конкретных работах конкретных историков, как правило, историков-концептуалистов. Обращено внимание на труды Л. Гумилева, В. О. Ключевского, А. Тойнби, Р. Виппера, иных выдающихся авторов. Показана роль высказанных идей для современности. Сделан вывод о типичных чертах ряда популярных методов и их особенностях в контексте различных методологических схем.

Ключевые слова: метод, методология, междисциплинарный подход, история, цивилизация, культурный контекст.

Historical Research Methods: from Theory to Practice

The article analyzes some methods of historical research in order to identify the mechanism of their application in specific works of specific historians, as a rule, conceptual historians. In this context, attention is drawn to the works of L. Gumilev, V. O. Klyuchevsky, A. Toynbee, R. Whipper, and other outstanding authors. The role of the expressed ideas for modernity is shown. The conclusion is made about the typical features of a number of popular methods and their features in the context of various methodological schemes.

Key words: method, methodology, interdisciplinary approach, history, civilization, cultural context.

Введение

Интерес к данной теме объясняется рядом причин. Во-первых, процесс совершенствования, обогащения методов исторического исследования носит постоянный характер, и мы являемся свидетелями все новых и новых подходов, в т. ч. междисциплинарного характера, к историческому материалу. Но это значит, что возникает необходимость систематизации и осмысления накапливаемого материала. Во-вторых, важно понимание самого механизма перехода от теории (концептуальные формулировки того или иного метода) к практике, достижению конкретных результатов. То есть важно уяснить, как практически выглядит процесс применения того или иного метода, в чем его особенности, специфика. В-третьих, важно понимание связи между методом и теорией. Другими словами, есть ли закономерности при использовании метода в контексте той или иной исследовательской парадигмы. На наш взгляд, ответ на этот последний вопрос даст возможность выбрать соответствующий метод и связать его с избранным концептом.

Основная часть

Обращение к теории методов в историческом исследовании в литературе достаточно популярно [1–4], и нет необходимости подробно останавливаться на типологии методов, их характеристике и т. п. Поэтому основной исследовательской задачей выглядит демонстрация механизма применения методов некоторыми крупнейшими историками прошлого, в первую очередь историками-концептуалистами, и возможность их применения современными исследователями. Одно дело, когда заявлен тот или иной метод. И совершенно другое, как он применяется в ходе практического исследования, при обращении к историческому материалу. И в этом контексте нам бы хотелось первоначально обратиться к творчеству крупнейшего отечественного теоретика и практика Льва Гумилева. Выбор, очевидно, не случаен. В своем творчестве ученый явил подлинные образцы применения методов исторического исследования, причем проблема может рассматриваться и шире: как анализ методов гуманитарного и естественного-научного цикла в целом.

Первоначально хотелось бы обратить внимание на *междисциплинарный харак-*

тер применяемых методов. Достаточно давно, в 60-х гг. прошлого века, ученый говорил о важности применения данных различных дисциплин. Так, например, в работе «Открытие Хазарии», на которую мы будем часто ссылаться, он прямо пишет, что «необходимо добиться органического сочетания исторической географии с палеографией и археологией» [5, с. 15]. Исследуя загадку происхождения и развития Хазарии, ученый привлекает данные вовсе не летописных сводов (их нет), не записи путешественников той поры (они не оставили таковых), он говорит о таких, на первый взгляд, «скучных» вещах, как уровень моря, рельеф береговой линии, реконструкции каменных сооружений и др. Анализ позволяет ученому говорить о том, что климат региона не был постоянным, он постоянно менялся, менялась и береговая линия, многие археологические памятники просто ушли под воду. Поэтому поиск артефактов должен основываться не только на упоминании того или иного исторического памятника, но и на изучении географических условий развития и существования. Причем тут существует и обратная связь: «Совмещая данные физической географии и неолитической истории, мы можем восполнить пробелы первой и объяснить загадочные явления второй» [5, с. 20]. Историк постоянно пробует уяснить взаимосвязь археологической культуры и ландшафта, чтобы установить, выяснить границы Волжской Хазарии и палеографию дельты Волги.

Причем не надо думать, что речь шла преимущественно о географических компонентах исторического процесса (в силу профессионального интереса самого ученого). Так, рассуждая о викингах, об их понимании жизни и смерти, Л. Гумилев приводит известные замечания о специфике такого явления, как берсерки. Викинги «особенно ценили берсерков (подобных медведю), т. е. людей, способных перед боем впасть в истерическое состояние и с огромной силой крушить врага» [5, с. 305]. Важно подчеркнуть, что здесь интересен не только факт сам по себе, но и взаимосвязь истории, психологии, медицины. Ученый также связывает данный феномен с пассионарностью, подчеркивая, что берсерки были пассионарны, отличались психологическим, в целом ментальным складом от иных соплеменников.

В итоге выстраивается законченная концептуальная схема, связанная с психологическими особенностями пассионариев и их ролью в развитии социума.

В этой части было бы правильным отметить некоторые важные аспекты междисциплинарного подхода, как это фактически осуществляет Лев Гумилев. Первая особенность связана с выбором сопутствующих истории дисциплин. Здесь нет каких-то незыблемых правил, исследователь выбирает те науки, методы, которые он считает приемлемыми в данном контексте. Чаще всего это география, психология, но возможны и иные альтернативы. Далее важно отметить необходимость высоких профессиональных навыков в той дисциплине, данные которой привлекаются ученым. Можем, например, вспомнить, что Гумилев был доктором географических наук (правда, первоначально степень не была ему присуждена по не зависящим от него причинам). И еще одно важное соображение. Сам по себе междисциплинарный подход важен, но его эффективность многократно увеличивается в том случае, когда применение метода взаимоувязывается с той или иной концептуальной схемой. Можно даже попробовать рискнуть утверждать, что отдельные методы «любят» ту или иную теоретическую парадигму. Например, А. Тойнби, его теория культурно-исторических типов и метод аналогии. Или аналогия в трудах О. Шпенглера. Применительно к Гумилеву приведем такое запоминающееся высказывание ученого: «Византийский этнос не имел предков. Это, конечно, не значит, что этнос... это не поголовье людей, а динамическая система, возникающая в историческом времени, при наличии пассионарного толчка как необходимого компонента при пусковом моменте этногенеза, процесса, ломающего старую культуру» [5, с. 263]. Здесь можно обратить внимание на связь главных концептуальных идей ученого и обращение к анализу конкретного исторического факта. Причем категориальная система выстраивается таким образом, что читателю понятно, где идеи основополагающие, базовые, а где фактологический материал. В этом аспекте вспомним интересную параллель между идеями Льва Гумилева и такого выдающегося историка, как Василий Ключевский. Речь шла о научном

поиске, связанном с позабытыми терминами прошлого: «фарсанг» у Гумилева и «полтретьядцать» у Ключевского. И один, и другой отмечали именно междисциплинарный характер научного поиска, тот факт, что понимание термина невозможно в рамках какой-либо «узкой» дисциплины. Фарсанг, например, это мера длины, но в разных источниках он характеризуется разной длиной. А суть в том, что «фарсанг действительно определенная мера длины, но приблизительная, зависящая от рельефа и состояния дорог» [5, с. 54]. Мы опускаем в данном случае всю цепочку рассуждений ученого, отмечая суть: зависимость исторического, географического, других факторов. Примерно та же картина наблюдается при анализе некоторых идей В. О. Ключевского. В частности, «полтретьядцать» – это не 15, как может показаться, а 45, т. е. 30 плюс 15.

Теперь отвлечемся и скажем несколько слов по поводу теории метода В. О. Ключевского (подробный разбор требует специального рассмотрения). Главное – это его протест против абсолютизации любого метода исторического исследования. Под ярким пером ученого это выглядит так: «Предполагать ко всем историческим явлениям статистический или иной подобный специальный метод, имеющий свою особую сферу применения, – все равно что лечить все болезни хиной» [7, с. 301]. Конкретный пример: смешивать изучение национального вопроса и принципов морали в том или ином общественном слое – методологическая ошибка и соответствующие методы должны быть разными. Да и в целом говорить о методе надо конкретно-исторически, т. е. четко представлять себе, что и как следует прояснить. Так, например, история может выглядеть «пояснительным материалом к статистике». Кроме того, любой исторический контекст есть явление «нравственно-педагогическое», отсюда важность методов психологии, учет среды. Далее: «Так как историческое изучение должно воспроизвести генезис известной культуры, а культур в современном человечестве несколько и все они существенно различаются между собою, то и выбор, и самая оценка исторических явлений неизбежно будут различны у историков, принадлежащих к различным культурам» [6, с. 71–72]. Получается, что методы могут существенно раз-

личаться, и это естественный процесс. Правда, в данном случае историк не говорит, как быть с исторической истиной, другими словами, кто прав в случае возникающих противоречий, которые естественны и закономерны в различных исторических школах. Какую-то помощь современному исследователю могут оказать соответствующие главы «Методологии русской истории», в частности, рассуждения об объективном и субъективном методах [6, с. 70–73], однако и здесь существует определенная неудовлетворенность, поскольку неясно, какой метод предпочтительнее.

Точно так же надо учитывать, что есть педагоги-преподаватели, а есть исследователи, и между их деятельностью существует в части методов большая разница, в том смысле, что «для каждой специальной цели нужны и особые приемы, своего рода специальный метод» [7, с. 302]. Одно дело, если историк преподает, совсем другое – когда исследует проблему. Здесь нет парадокса, поскольку, например, преподаватель обращается к мышлению ученика как к «свече, которую надо зажечь». Передается уже готовое знание, но не механически, а творчески. И здесь важную роль играет метод художественного изложения материала. В этом аспекте вернемся к идеям Льва Гумилева.

Отметим такой важный метод в его творчестве, как использование художественных средств при изложении исторического материала. Говоря иначе, поэзия, литература – обязательный компонент научного поиска. Можно по этому поводу привести много свидетельств, ограничимся одним. В работе «От Руси до России», удостоенной Государственной премии, ученый обращается к творчеству Адама Мицкевича. Говоря о том, что баллада поэта была «чуждо» переведена А. Пушкиным, писатель далее рассуждает об исторических судьбах России и Польши [8, с. 141]. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие особенности этого популярного и сегодня метода. Во-первых, точный выбор поэтического адресата, поскольку ясно, что значит А. Мицкевич для польского и белорусского национального самосознания. Во-вторых, усиление эмоционального воздействия на читателя, обращающегося к теме исторического разделения двух данных стран. Ведь

одно дело – констатировать факт цивилизационного раздела, и совсем иное – привести художественное осмысление свершившегося в истории факта и пояснить именно художественными средствами все негативные последствия этого шага для судьбы славянства. По сути дела, во всех исторических реминисценциях ученого речь идет о привлечении художественного материала, цель и смысл которого даже не в дополнительной доказательности, а эмоциональном воздействии на читателя.

В этом аспекте (эмоциональное воздействие на читателя) важен и такой непростой метод исторического поиска, как негативная характеристика героев повествования. Ведь достаточно просто под барабанную дробь говорить о подвигах, военной славе исторических предшественников. Гораздо сложнее приводить те факты и давать им развернутый комментарий, в которых речь идет о не вписывающихся в общую позитивную картину событиях прошлого. Приведем запоминающийся пример. Говоря о памятных событиях на Куликовом поле, Лев Гумилев приводит такой факт. Когда Олег Рязанский с малочисленным отрядом сумел сдержать литовское войско Ягайлы, «воины Ягайлы напали на русские обозы и перерезали раненых» [8, с. 160], а большинство воинов Ягайлы – это бойцы Полоцка, Гродно, Минска. Здесь возникает вопрос о пределах допустимого в изложении исторического материала, оценках, в целом о понимании исторической правды. На наш взгляд, здесь целесообразно заметить следующее. Конечно, если речь идет о следовании исторической правде, то скрывать исторические факты или приукрашивать их недальновидно и несправедливо. Речь всегда зависит от контекста повествования. Если отсутствует политический и иной заказ, то ситуацию может спасти только известная позитивистская беспристрастность. Естественно, в тех пределах, которые возможны.

Слова о «политическом заказе» здесь не случайны. Дело в том, что развитие национальной истории иногда сопровождалось и прямым политическим заказом. Один из примеров приводит и Лев Гумилев. Обращаясь к деяниям Петра Великого, он говорит о том, что была сотворена соответствующая легенда, не имеющая ничего общего с действительностью. Сотворение ис-

торических легенд – это тоже метод, причем достаточно часто действенный. Вспомним хотя бы не столь давно дезавуированный миф о «развитом социализме» у нас в стране, современникам нет необходимости пояснять, что это такое и каким образом эта легенда стала государственным мифом. Вспоминая Петра Великого, Лев Гумилев критикует сложившуюся, на его взгляд, легенду о том, что при Петре управляли страной немцы, что финансы страны были полностью расстроены и т. д. [8, с. 290–292]. В целом в ходе рассуждений историк полагает, что в стране надолго воцарился именно миф о человеке, «прорубившем окно в Европу», брившем бороды и т. п. То есть перед нами единство двух подходов: концептуального, связанного с принципиальным пониманием конкретного факта, деятеля, методологического, адресованного попытке выбрать и интерпретировать тот или иной метод.

Несколько слов о самом методе, как его понимал выдающийся русский историк. Эти замечания ученый сделал в послесловии к работе «От Руси до России». Первое: метод во многом зависит от того, какую логику мы предлагаем читателю при изложении истории. Дело в том, что история бывает разная: есть история социальная, история экономическая, политическая, этническая. Разная история предполагает применение разных методов при изложении материала. В частности, говоря об истории России, необходимо помнить, что мы ведем речь не о единой поступательной линии прогресса, а об истории двух суперэтносов (с точки зрения ученого): это история Древней Киевской Руси (вплоть до XIII в.) и история Московской Руси (с XIII в.). Далее два принципиальных вывода. Один связан с пониманием теории этносов (суперэтносов), который не сводим к столь привычной нам теории общественно-экономических формаций, и второй, который напрямую относится к теории методов. Здесь вообще происходит своего рода «смыкание» гуманитарных (исторических) и естественно-научных методов. Получить достоверные выводы с помощью исключительно методов гуманитарных наук в условиях смены этногенеза вообще невозможно. Мало того, чтобы достигнуть обобщения фактов исторической действительности, необходимо учитывать

их в «чистом виде», отслоенными от литературных источников и подвергнутыми сравнительной исторической критике. «Такой метод принадлежит уже не гуманитарным, а естественным наукам» [8, с. 287]. Поэтому второе связано с термином «пассионарное напряжение». И отсюда третье: история различных суперэтносов не может быть идентичной, протекать одинаково и по одним законам. В этой связи столь плачевные результаты следуют тогда (с точки зрения ученого), когда культурные традиции одного суперэтноса переносятся в историю другого. Лев Гумилев открыто выступает против заимствования опыта развития западноевропейского суперэтноса, столь популярного у нас одно время. Он пишет так: «Конечно, можно попытаться войти в круг “цивилизованных народов”, т. е. в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничего не дается даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» [8, с. 293]. Так соединяются в единое целое теория этноса, учение о методах и мировоззренческая определенность.

Теперь обратимся к идеям А. Тойнби, еще одного крупнейшего историка-концептуалиста. Он широко известен, в т. ч. и в нашей стране, поэтому хотелось бы остановиться именно на механизме применения методов в его творчестве и обратить внимание первоначально на основополагающий метод – аналогию. Вот как специалист говорил о своем научном открытии, когда он обратился к поиску механизма познания исторического (статья «Мой взгляд на историю») с помощью метода аналогии. Ключевым здесь является положение, согласно которому тот опыт и те переживания, которые мы испытываем в XX в., уже были «пережиты» ушедшими поколениями ранее. Обращаясь, в частности, к творчеству Фукидида, Тойнби пишет: «Я перечитывал его теперь с новым ощущением, переосмысливая значение его слов и чувства, скрывающиеся за теми фразами, которые совершенно не трогали меня до той поры, пока я сам не столкнулся с тем же историческим кризисом, который вдохновил его на эти труды. Фукидид, как я теперь понял, уже прошел по этому пути раньше нас. Он сам и его поколение по историческому опыту стояли

на более высокой ступени времени: собственное, его настоящее соответствовало моему будущему. Но это превращало в нонсенс ту общепринятую формулу, что обозначала мой мир как “современный”, а мир Фукидида как “древний”» [9, с. 23]. То есть в философском аспекте все мы современники. Необходимость и даже неизбежность аналогий в процессе исторического познания вытекает, по мнению исследователя, из того непреложного факта, что «история повторяется». Повторяется в соответствии с общим ритмом Вселенной и соответствующей «одновременностью» человеческой истории.

Вспомним концепцию «Ухода-и-Возврата» А. Тойнби, которая послужила для ученого той гносеологической основой, на которой развернутые исторические аналогии стали выглядеть не просто как важнейшие средства познания, но и как уникальное средство осмысления исторической действительности. Формальнологически это можно показать в следующем формализованном виде: А (а, b с d) истинно, поскольку а, b, c, d аналогичны друг другу. Приведем один из многочисленных примеров ученого, в числе которых «Западный мир против Московии» и «Западный мир против Османской империи». А. Тойнби пишет, что «присмотревшись внимательнее, мы убедимся, что судьба Австро-Венгрии аналогична судьбе польско-литовского государства» [10, с. 141]. То есть польское давление на Россию в начале XVII в. положило начало «вестернизации» русского православного христианства на Балканах и тем самым лишило империю Габсбургов статуса антиосманского форпоста западного общества. Причем «эта параллель сохраняется и в деталях», замечает Тойнби. И приводит ряд важных характеристик конкретно-исторического характера, подтверждающих данную мысль [10, с. 150–153].

В целом можно заметить, что метод исторической аналогии в творчестве А. Тойнби служил важнейшим инструментом и при формулировке методологических постулатов, и в контексте исторических фантазий и пророчеств. Не раз отмечалось, что Тойнби допускает произвольную экстраполяцию одних эпох или событий на другие. Вызывает споры отождествление XX в. нашей эры с первым веком до нашей эры, древнего

Рима и США, греческих полисов с западно-европейскими странами. Сам А. Тойнби неоднократно протестовал против ложных аналогий, которые свидетельствуют о поверхностном подходе историков к изучаемым фактам. Так, например, анализируя историю Османской империи периода ее упадка, Тойнби замечает, что западные историки часто ошибаются в оценках. В основе этих ошибок лежит «ложная аналогия между исламским институтом, который они были не в состоянии понять, и западным институтом, вполне для них понятным» [10, с. 490]. В современных реалиях очень актуальное замечание. Отождествляя, в частности, халифат с папством, западные ученые видели в нем духовное учреждение в западном смысле, но эта абстракция была чужда исламской мысли. Такие примеры несложно продолжить. Но не в кажущихся и в подлинных противоречиях методологии и конкретных исследований дело. Суть в том, что историческая аналогия – приводной ремень всего механизма тойнбианской методологии. Эта методология, вне сомнений, жизненна – безупречным логическим аппаратом, мощной эмпирической базой, новизной и смелостью подходов. Следует признать, что мало кто в мировой историографии делал столь смелую и плодотворную попытку исследовать мировой исторический процесс, широко и всесторонне используя метод исторической аналогии.

Работы известного русского историка Р. Ю. Виппера также пользуются у нас заслуженной известностью. Однако, на наш взгляд, практика переиздания трудов ученого свидетельствует о своеобразном «перекосе» в издательской практике: на свет появляются главным образом учебные пособия, монографические исследования и не уделяется должного внимания материалам методологического и гносеологического характера. Между тем именно в них талант Р. Ю. Виппера проявился ярко и впечатляюще как для современников, так и для последующих поколений историков и всех тех, кто интересуется вопросами исторического познания. Мы обратим внимание на некоторые вопросы методологического характера в трудах ученого, в первую очередь связанные с теорией метода.

Вначале обратим внимание на эпиграф, который Р. Ю. Виппер поместил к

статье, посвященной проблемам исторического познания и опубликованной в 1900 г. в журнале «Вопросы философии и психологии». Это цитата из «Новой науки» Дж. Вико: «Эта наука (история) идет тем же методом, как и геометрия, потому что она создается из самой себя мир величия, строит сама себя из собственных элементов». Пафос этой цитаты известен: Р. Ю. Виппер возражает против абсолютизации позитивистского подхода, связанного с обращением к «объективным фактам», которые «лишь ожидают, чтобы их открыли». Для ученого очевидно, что позитивизм – вчерашний день исторической науки, новое же слово может быть связано с успехами опытной психологии, ибо объективная действительность есть не что иное, как субъективная категория: «Каждое поколение или ряд поколений, связанных общими идеями, каждая интеллектуальная группа неизбежно приспособливается к себе, к своим нуждам, к своим симпатиям, к своим гаданиям о будущем, к своим психологическим предположениям всю традицию о прошлом, весь исторический материал, можно бы сказать, препарирует для себя всю историю, творит для себя идеальное прошлое» [11, с. 61]. Можно по-разному относиться к подобному методологическому подходу, как и к преувеличенному значению субъективного метода, но очевидно, что данный взгляд коренился в требованиях эпохи, в частности, той большой роли, которую играла экспериментальная психология в научном мире.

История в определенном смысле есть аналогия, а аналогия занимает важное место в исследованиях специфики исторического познания. Аргументируя эту мысль, Р. Ю. Виппер вновь обращается к взаимосвязи позитивистских и новых более современных подходов. Он замечает: «В способе наших рассуждений, в постановке вопросов, в наших сравнениях и аналогиях, во всей нашей терминологии мы вполне еще подчинены «реализму позитивной науки» [11, с. 28]. Однако это влияние необходимо преодолевать. Ограниченность позитивизма в данном аспекте можно проиллюстрировать путем критики между религиозными и политическими направлениями, которое Р. Ю. Виппер именует как «психологический параллелизм». Так, например, в характеристике эпохи Реформации можно найти

следующее объяснение связи между религиозными и политическими направлениями XVI и XVII вв.: поскольку протестантизм есть «индивидуализм в религии», личная свобода в сфере веры, постольку он ведет к политической свободе, правам личности. Отсюда следует вывод, что корни европейской революции лежат в реформационных процессах. «В основе этого построения, — замечает Р. Ю. Виппер, — лежит, без сомнения, мысль о психических аналогиях и их взаимодействии: свобода веры аналогична свободе политической, как представление, и потому одна вызывает другую и в историческом ходе вещей» [11, с. 43]. Но факты противоречат такого рода аналогиям, в частности, Франция как главная революционная арена осталась в целом верной католичеству. А вот в реформационной Германии не наблюдается движение к политическим свободам. Примеры в угоду «раз принятой психологической комбинации» можно множить, но суть от этого не меняется: «психологический параллелизм» плодотворен исключительно в рамках достоверных фактов, а не умозрительных схем.

Заключение

В заключение хотелось бы высказать несколько обобщающих выводов. Вначале главное: четкой и общепринятой системы исторических методов все же нет. Принятые классификации (общелогические, специальные и т. д. методы) столь существенно отличаются у известных специалистов, что говорить о типичном можно очень условно.

Выдающиеся историки формулировали идеи, которые были именно им ближе

всего: по методологическим основаниям, прежде всего, интересу к иным наукам, акценту либо на специальные методы, либо на методы обобщающего характера. Достаточно сравнить подходы не раз упоминавшихся в тексте статей Льва Гумилева, Арнольда Тойнби и Василия Ключевского, чтобы убедиться в этом. Далее, насколько известно, почти для всех крупнейших историко-концептуалистов был свойственен междисциплинарный подход, использование данных иных наук и методов, особенно из сферы географии, психологии, этнографии, других дисциплин. В ряде случаев у нас распространен подход, связанный с интересом к междисциплинарной проблематике именно в последние десятилетия. Но это, очевидно, не так. В текстах историко-концептуалистов фактически всегда присутствует интерес к данным иных наук, более того, может возникнуть такая ситуация, когда методы других наук становятся преобладающими (теория этногенеза Льва Гумилева). Такое замечание В. О. Ключевского: «Никогда мы не достигнем того, чтобы история стала экспериментальной наукой, потому что у историка никогда не будет в руках того искусственного средства для познания явлений, каким служит в руках естествоведа кабинетный опыт» [6, с. 79].

И с той поры в этой сфере мало что изменилось. Но у историка есть «обширное поле для наблюдений», такие методы, как сравнение, аналогия, возможность выбирать и сравнивать явления. У историка есть возможность видеть генезис явления, его судьбу, его уроки, что является важным итогом и результатом его деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барг, М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. — М. : Наука, 1984. — 142 с.
2. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М., 1987. — 440 с.
3. Методологические проблемы истории : учеб. пособие / В. Н. Сидорцов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. — Минск : ТетраСистемс, 1996. — 352 с.
4. Лепешко, Б. М. Методология истории / Б. М. Лепешко. — Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2020. — 136 с.
5. Гумилев, Л. Н. Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилев. — М. : Рольф, 2001. — 416 с.
6. Ключевский, В. О. Методология русской истории / В. О. Ключевский // Собрание сочинений : в 9 т. — М. : Мысль, 1989. — Т. 6. — С. 5–93.
7. Ключевский, В. О. Дневниковые записи / В. О. Ключевский // Собрание сочинений : в 9 т. — М. : Мысль, 1990. — Т. 9. — С. 298–305.

8. Гумилев, Л. Н. От Руси до России / Л. Н. Гумилев. – М. : Рольф, 2000. – 320 с.
9. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1996. – 478 с.
10. Тойнби, А. Постигание истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
11. Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки : сб. ст. и публич. лекций / Р. Ю. Виппер. – М. : Тип. И. Кушнерев, 1911. – 321 с.

REFERENCES

1. Barg, M. A. Kategorie i metody istorichieskoj nauki / M. A. Barg. – M. : Nauka, 1984. – 142 s.
2. Koval'chienko, I. D. Metody istorichieskogo issliedovaniya / I. D. Koval'chienko. – M. : 1987. – 440 s.
3. Metodologichieskiye problemy istorii : uchieb. posobiye / V. N. Sidorcov [i dr.] ; pod obshch. ried. V. N. Sidorcova. – Minsk : TetraSistems, 1996. – 352 s.
4. Liepieshko, B. M. Metodologiya istorii / B. M. Liepieshko. – Brest : Izd-vo BrGU im. A. S. Pushkina, 2020. – 136 s.
5. Gumiliov, L. N. Otkrytiye Khazarii / L. N. Gumiliov. – M. : Rol'f, 2001. – 416 s.
6. Kliuchievskij, V. O. Metodologiya russkoj istorii / V. O. Kliuchievskij // Sobranije sochinienij : v 9 t. – M. : Mysl', 1989. – T. 6. – S. 5–93.
7. Kliuchievskij, V. O. Dnievnikovyje zapisi / V. O. Kliuchievskij // Sobranije sochinienij : v 9 t. – T. 9. – M. : Mysl', 1990. – S. 298–305.
8. Gumiliov, L. N. Ot Rusi do Rossii / L. N. Gumiliov – M. : Rol'f, 2000. – 320 s.
9. Tojnbi, A. Civilizacija pieried sudom istorii / A. Tojnbi. – M. : Progress, 1996. – 478 s.
10. Tojnbi, A. Postizhenije istorii / A. Tojnbi. – M. : Progress, 1991. – 736 s.
11. Vip-per, R. Yu. Dvie intielligiencii i drugije ochierki : sb. st. i publich. liekcii / R. Yu. Vip-per. – M. : Tip. I. Kushnieriev, 1911. – 321 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 30.08.2022